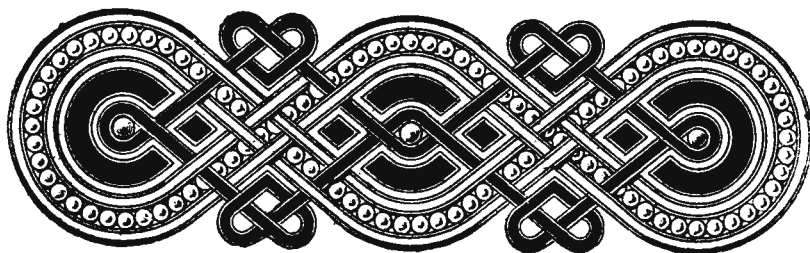

Основанъ А. С. Суворинымъ и С. Н. Шубинскимъ въ 1880 г.

Библиотека "Руниверс"

АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ САМСОНОВЪ.

(† 15 августа 1914 года).

ТО ВЪ РОССІИ не пережилъ тяжелаго, щемлящаго чувства, читая лаконическое сообщеніе Верховнаго Главнокомандующаго, отъ 18-го августа 1914 года, о катастрофѣ, постигшей нѣкоторые корпуса нашей второй арміи въ окрестностяхъ гор. Сольдау, и гибели командовавшаго этой арміей генерала-отъ-кавалеріи Александра Васильевича Самсонова.

Въ обществѣ и арміи ходили самые разнообразныя, противорѣчивыя и просто невѣроятныя слухи объ обстоятельствахъ кончины генерала Самсонова; нѣкоторые утверждали даже, что генералъ Самсоновъ живъ, находится въ плѣну въ одной изъ германскихъ крѣпостей, тщательно скрывая свое имя и званіе; нашлась и какая-то сестра милосердія, якобы лично видѣвшая генерала Самсонова въ плѣну и ухаживавшая за нимъ во время его болѣзни. А. И. Гучковъ—большой почитатель покойнаго—предпринялъ специальную поѣздку въ Германію, чтобы выяснить вопросъ о гибели А. В. и мѣстѣ его погребенія, но собранныя имъ свѣдѣнія не имѣли достаточной фактической твердости, основываясь на отрывочныхъ и не вполне достовѣрныхъ показаніяхъ опрошенныхъ имъ лицъ.

Такъ продолжались эти перешептыванія, сплетни и разговоры, проникавшіе и въ печать, до тѣхъ поръ, пока не стало извѣстно, что вдовѣ покойнаго командующаго арміей, Екатеринѣ Александровнѣ Самсоновой, принявшей на себя отъ Краснаго Креста

миссію ознакомиться въ Германіи съ положеніемъ томящихся тамъ нашихъ плѣнныхъ, удалось, пользуясь указаніями А. И. Гучкова, разыскать дѣйствительное мѣсто погребенія праха генерала Самсонова въ Восточной Пруссіи¹⁾, установить по найденному при покойномъ медальону съ фотографіями самой Е. А. и ея дѣтей съ полной точностью, что найденный погребеннымъ трупъ дѣйствительно прахъ генерала Самсонова. Въ настоящее время тѣло генерала Самсонова доставлено вдовою его въ Россію и погребено въ родовомъ имѣніи Егоровка, Херсонской губ.

Такимъ образомъ, только теперь явилась возможность сказать о личности и дѣятельности генерала Самсонова, такъ безвременно погибшаго, надъ закрытою крышкой его гроба, подѣлиться съ читателями «Историческаго Вѣстника» какъ тѣмъ, что удалось мнѣ узнать о немъ отъ родныхъ и близко знавшихъ Самсонова, такъ и личными воспоминаніями объ этомъ блестящемъ, образованномъ генералѣ нашей арміи, незаурядномъ администраторѣ и рѣдкомъ, по душевнымъ своимъ качествамъ, человѣкѣ.

Конечно, теперь нельзя еще говорить о генералѣ Самсоновѣ многого, не время производить объективную оцѣнку его дѣятельности, какъ въ сферѣ спеціально военной, такъ и въ области административной, по управленію имъ сначала областью Войска Донского, а затѣмъ и всѣмъ обширнымъ Туркестанскимъ краемъ: не пришла еще та историческая давность, которая даетъ возможность говорить о государственномъ дѣятелѣ въ исторической перспективѣ, не поддаваясь личнымъ чувствамъ симпатіи и антипатіи; нѣтъ для этого и достаточно матеріала.

Да мы и не задаемся такой сложной и непосильной для насъ задачей, а хотимъ только, пока многое не забыто и живо еще сохранилось въ памяти о личности и дѣятельности генерала Самсонова и требуетъ закрѣпленія, передать, не мудрствуя лукаво и именно то, что возможно въ данную минуту, о почившемъ, несомнѣнно, заслуживающемъ вниманія, какъ оставившемъ слѣдъ въ области военного управленія, исторіи нашего военного искусства и въ области гражданской администраціи²⁾.

Съ Александромъ Васильевичемъ я лично познакомился лишь со времени его назначенія туркестанскимъ генераль-губернаторомъ, въ роли ближайшаго сотрудника его по гражданскому управленію, занимая должность управляющаго канцеляріей генераль-губернатора при немъ и трехъ предшественникахъ. Однако еще до этого

¹⁾ Близъ гор. Нейденбурга.

²⁾ Въ настоящемъ біографическомъ очеркѣ я не претендую ни на полноту, ни на безусловную точность нѣкоторыхъ датъ: составляя этотъ очеркъ въ дѣйствующей арміи, я не имѣлъ возможности пользоваться ни своими записными книжками, ни справочными изданіями, писалъ то, что ярко запечатлѣлось въ памяти. **Авт.**

личнаго знакомства я много былъ наслышанъ о генералѣ Самсоновѣ отъ его сослуживцевъ и товарищей и просто знакомыхъ, интересуясь этой во всѣхъ отношеніяхъ незаурядной личностью среди нашего относительнаго безлюдья еще во время Японской войны, на высшихъ постахъ строевой и административной службы. Началь свою службу А. В. въ славномъ гусарскомъ Ахтырскомъ полку во время Русско-Турецкой войны, подъ командой Н. Н. Тевяшсва (бывшаго потомъ главнымъ интендантомъ и туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ). Въ полкъ А. В. были выпущены изъ Николаевского кавалерійскаго училища. Въ училище же генералъ Самсоновъ поступилъ изъ кіевского кадетскаго корпуса. Съ кіевскимъ корпусомъ А. В. связывали крѣпко воспоминанія его юношескихъ и дѣтскихъ лѣтъ, а симпатіи и товарищескія чувства, вынесенныя изъ стѣнъ корпуса, на всю жизнь привязали А. В. къ нѣкоторымъ изъ однокашниковъ, которыхъ А. В., занимая потомъ вліятельныя должности въ военномъ вѣдомствѣ, проводилъ въ кругъ своихъ ближайшихъ сотрудниковъ. Отъ этого, въ шутку, въ Туркестанѣ называли время управленія Самсонова кіевскимъ періодомъ.

Кристалльная личность Н. Н. Тевяшева, добраго отца-командира, умѣвшаго воспитать въ своихъ подчиненныхъ чувство долга и беззавѣтной преданности государю и родинѣ, гуманнаго, отзывчиваго, — оставила на всю жизнь слѣды на нравственномъ и служебномъ обличьи его бывшего подчиненнаго и крѣпкими узами дружбы спаяла Самсонова съ семьей ген. Тевяшева.

Въ своихъ воспоминаніяхъ о полковой жизни А. В. останавливался часто на одномъ случайномъ эпизодѣ, именно встрѣчѣ съ генераломъ М. И. Драгомировомъ, опредѣлившей его дальнѣйшую служебную карьеру. Драгомировъ, своей оригинальной повадкой, испытывая свойства и качества юнаго корнета, какъ человѣка военнаго, обратилъ вниманіе на блестящій, живой умъ, сметку, наблюдательность, находчивость А. В. и посоветовалъ ему итти въ военную академію. А. В. послушалъ его совѣта. Окончилъ курсъ академіи, но далеко не изъ первыхъ. Такія талантливыя, живыя натуры рѣдко уживаются съ школьной схоластикой, школьнымъ режимомъ. Вѣдь и Скобелевъ окончилъ военную академію по второму разряду, несмотря на свою несомнѣнную любовь къ военному искусству и военному дѣлу вообще. Вѣроятно, не совсѣмъ удачное окончаніе академіи привело А. В. къ службѣ по генеральному штабу сначала на далекую окраину — на Кавказъ. Служба тянулась съ треніями, довольно безцвѣтно, и А. В. впослѣдствіи вспоминалъ, что никогда бы, служа на Кавказѣ и даже впослѣдствіи въ Польшѣ, онъ не могъ мечтать о той блестящей служебной дорогѣ, которая ему открылась послѣ Японской войны. Думаю, что, какъ всегда, исключительныя, блестящія дарованія

А. В. вызывали зависть, и его просто затирали. Личная жизнь складывалась весело, безопасно; А. В. являлся непремѣннымъ членомъ всякихъ отрядковъ¹⁾, которыми такъ богата Варшава, участникомъ шумныхъ пикниковъ; товарищей въ этотъ періодъ у А. В. было много, искренно привязанныхъ къ нему за его веселый характеръ, живость, остроуміе; въ тѣсномъ кругу товарищей въ Варшавѣ его обыкновенно называли Самсонъ Самсоновичемъ. Такая разсѣянная жизнь А. В. не мѣшала ему работать надъ своимъ самообразованіемъ,—онъ много читалъ, многимъ интересовался. Суровый фельдмаршалъ І. В. Гурко, большой знатокъ человѣческой души и человѣческихъ слабостей, сразу оцѣнилъ молодого блестящаго офицера генеральнаго штаба, его знанія, трудоспособность и, повидимому, самъ большой труженикъ, человѣкъ суроваго долга, привязался душевно къ своему молодому сотруднику. Отъ Гурко А. В. получилъ рѣдкій даръ для молодого еще штабъ-офицера—прекрасный портретъ Гурка, исполненный масляными красками. Этимъ подаркомъ А. В. искренно гордился. Вспоминая это время службы при Гуркѣ, А. В. рассказывалъ, какъ Гурко былъ требователенъ, какъ приходилось не только цѣлые дни, но и ночи напролетъ работать, чтобы не вызвать строгаго замѣчанія грознаго командующаго войсками. Служба въ Варшавѣ при Гурка была для Самсонова своего рода школой, подготовившей его къ широкой военно-административной дѣятельности, познакомившей его съ боевой подготовкой войскъ того важнаго округа, управленіемъ большими массами войскъ, съ особенностями этого настоящаго театра войны и т. п. По словамъ А. В., онъ такъ хорошо изучилъ Польшу во время своихъ многократныхъ служебныхъ поѣздокъ, такъ хорошо зналъ свойства и качества какъ высшихъ, такъ и среднихъ чиновъ военной и административной іерархіи въ округѣ, что впоследствии ему легко было, въ качествѣ начальника штаба округа, быть дѣйствительно полезнымъ сотрудникомъ генерала Скалона. Большую пользу, несомнѣнно, принесла Самсонову и работа въ штабѣ округа подъ руководствомъ такого талантливаго офицера генеральнаго штаба, какимъ былъ покойный генералъ Пузыревскій. Постѣ Варшавы А. В. получилъ вскорѣ должность начальника Елисаветградскаго кавалерійскаго училища. До этого назначенія А. В. женился на своей дальней родственницѣ Екатеринѣ Александровнѣ П., дѣвушкѣ рѣдкой красоты, невольно заставлявшей обращать на себя вниманіе. Несмотря на сравнительно большую разницу лѣтъ, Е. А. проявляла рѣдкую любовь къ мужу, сдѣлавшись на всю жизнь его добрымъ ангеломъ-хранителемъ, прекрасно воспитала своихъ двухъ дѣтей. Съ того мо-

¹⁾ Увеселительныхъ садовъ особаго жанра, съ прекрасными оркестрами, легкой комедіей, балетомъ.

мента начался рѣзкій поворотъ въ жизни А. В., и изъ веселаго, безшабашнаго подчасъ въ компаніи товарищей—онъ сдѣлался рѣдкимъ семьяниномъ, домосѣдомъ.

За сравнительно краткое время своего пребыванія въ должности начальника Елисаветградскаго училища А. В. сумѣлъ внести большія перемѣны въ отношеніи улучшенія постановки учебнаго дѣла въ училищѣ, въ соотвѣтствіи съ увеличенными требованіями, которыя предъявляла жизнь къ выпускаемымъ изъ стѣнъ его юнымъ корнетамъ. Особенно строго А. В. преслѣдовалъ всякіе фокусы, обманы, къ которымъ прибѣгали не только юнкера, но и преподаватели, чтобы втереть очки начальству, затрачивая минимальные труды на прохожденіе курса. Какъ ни требователенъ былъ А. В. къ юнкерамъ и въ смыслѣ строевой подготовки и въ увеличеніи объема учебнаго курса, память о немъ, какъ справедливомъ, добромъ начальникѣ, сохранилась въ сердцахъ его бывшихъ питомцевъ, которымъ ихъ бывший начальникъ шелъ всегда потомъ навстрѣчу на ихъ жизненномъ служебномъ пути, чѣмъ только было нужно: кому деньгами, кому протекціей, кому совѣтомъ. Какъ только началась Японская война, А. В. сталъ проситься на войну. Во главѣ сибирской казачьей дивизіи, стяжавшей подъ его начальствомъ славу одной изъ лучшихъ кавалерійскихъ частей манчжурской арміи, въ особенности въ бою у Вафангоу, А. В. заслужилъ себѣ репутацію одного изъ выдающихся нашихъ военачальниковъ, а имя его произносилось въ арміи рядомъ съ именемъ Мищенка. Тяжелая болѣзнь вынудила А. В., однако, скоро эвакуироваться изъ арміи, и не суждено ему было осуществить вполне тѣ надежды и упованія, которыя связывались съ его именемъ въ арміи. Георгіевскій крестъ 4 степени—орденъ храбрыхъ—былъ наградой А. В., и за проявленные имъ таланты полководца и за подвиги его личной храбрости. Съ войны А. В. получилъ мѣсто начальника штаба варшавскаго военного округа, сдѣлался сотрудникомъ ген. Скалона. Эта служба въ Варшавѣ еще болѣе пополнила свѣдѣнія, собранныя во время прежней службы А. В. въ округѣ о боевой подготовкѣ войскъ округа, о недочетахъ въ этой подготовкѣ, предполагаемыхъ реформахъ и т. п. и особенно по острому въ то время вопросу объ упраздненіи крѣпостей варшавскаго укрѣпленнаго района. Сколько я помню, А. В. высказывался именно противъ этого упраздненія, признавая эту мѣру чрезвычайно опасной. По должности начальника штаба Самсонову, приходилось, какъ ближайшему сотруднику ген. Скалона довольно близко знакомиться и съ руководящими началами тогдашняго управленія Польшей, проникнутыми недовѣрчивостью къ лояльности польскаго народа, стремленіемъ подавить проявленія его національной жизни, не считаясь съ національнымъ самолюбіемъ, самобытной народной культурой.

Не успѣвъ еще выполнѣ войти въ свою новую сферу дѣятельности начальника штаба округа, Самсоновъ былъ назначенъ на казнымъ атаманомъ войска Донского.

Трудно было А. В. послѣ чисто военной строевой, военно-учебной и военно-административной дѣятельности перейти на постъ начальника области съ чисто административными функціями, сложными, запутанными интересами ея разнообразнаго населенія—казачьяго и такъ называемаго «иностраннаго», гражданскаго элемента, взаимно борющимися. Правда, и до А. В. этотъ постъ занимали люди, ничега общаго съ казачествомъ не имѣвшіе, не подготовленные вовсе къ дѣятельности по гражданскому управленію; но эти лица «просто» смотрѣли на свою дѣятельность, а Александръ Васильевичъ былъ не такой человекъ: ему хотѣлось быть «на мѣстѣ», усвоить себѣ дѣйствительныя нужды населенія, правильно поставить и провести задачи управленія краемъ.

Какъ помѣщикъ Херсонской губерніи, Александръ Васильевичъ очень интересовался земскимъ дѣломъ, бывалъ на земскихъ собраніяхъ, былъ самъ хорошимъ хозяиномъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обладалъ большой наблюдательностью и начитанностью,— все это и дало ему возможность «не потерять лицо», какъ говорятъ китайцы, въ новой своей должности и даже сдѣлать много полезнаго. Будь у Александра Васильевича больше знанія людей и больше характера, вмѣстѣ больше довѣрчивости къ людямъ, но не только къ тому, что говорятъ дурного о другихъ эти люди, будь онъ ближе къ населенію, а не къ казацкой старшинѣ, онъ бы сдѣлалъ еще больше, при его свѣтломъ практическомъ умѣ, блестящихъ дарованіяхъ и трудоспособности. Менѣе даровитый, чѣмъ Александръ Васильевичъ, но болѣе опытный и болѣе твердый человекъ, его преемникъ Ф. В. Таубе, несмотря на свой не особенно пріятный характеръ, какъ администраторъ, больше принесъ донскому казачеству пользы, въ смыслѣ управленія, чѣмъ Самсоновъ, но за Самсоновымъ въ исторіи Донской области остается одна великая заслуга, и этой заслуги одной, не упоминая о многомъ другомъ полезномъ, что сдѣлалъ Самсоновъ, будетъ достаточно, чтобы дѣятельность его всегда съ признательностью была отмѣчена въ исторіи края—это созданіе Донского политехникума.

Но и на Дону Александру Васильевичу суждено было не долго задерживаться. Весною 1908 года, совершенно для него неожиданно, Самсоновъ получилъ высшее назначеніе—туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ. Назначеніе это было, по словамъ Александра Васильевича, настолько неожиданно, что, будучи за нѣсколько дней до этого въ Петроградѣ, онъ ничего ни отъ кого объ этомъ не слыхалъ и, вернувшись въ Новочеркасскъ, прочелъ о своемъ назначеніи съ удивленіемъ въ «Русскомъ Инвалидѣ».

Генералъ А. В. Самсоновъ.

Назначеніе это опять было обычной у насъ импровизаціей. Александръ Васильевичъ въ Туркестанѣ никогда не служилъ, ничего общаго съ этимъ своеобразнымъ краемъ не имѣлъ. А между тѣмъ назначеніе на такой высокій постъ, какъ главнаго начальника края, въ то время требовало не только тѣхъ дарованій, которыми природа богато одарила Александра Васильевича, но еще знанія края, его своеобразныхъ условій быта и вѣрованій его иноплеменнаго населенія, сложныхъ задачъ по устройству русскихъ людей, піонеровъ европейской культуры въ краѣ, по тѣсному сближенію этой окраины съ остальной имперіей. Этими условіями и знаніями Александръ Васильевичъ не обладалъ, этому онъ могъ лишь научиться путемъ внимательнаго личнаго знакомства съ краемъ и своими будущими сотрудниками, на что требовалось потратить достаточное количество времени, въ ущербъ немедленной продуктивной работѣ по управленію краемъ.

Мы думаемъ, что, будучи по продолжительности занятія должности туркестанскаго генераль-губернатора изъ 11 генераль-губернаторовъ третьимъ (два другихъ—Кауфманъ, Вревскій), Самсоновъ не успѣлъ сдѣлать для края ничего выдающагося, несмотря на всѣ упомянутыя свои отличныя качества и искреннее, горячее желаніе принести пользу, по недостаточному знакомству съ мѣстными особенностями. Это обстоятельство не можетъ быть поставлено лично ему въ вину, такъ какъ нельзя отказать ему ни въ личныхъ дарованіяхъ, ни въ благородствѣ его побужденій, ни въ трудахъ, губительно отразившихся на его здоровьѣ и повліявшихъ отчасти на его безвременную кончину.

Въ тяжелое для туркестанской администраціи время прибывалъ новый генераль-губернаторъ въ Ташкентъ. Въ краѣ еще не закончила своей дѣятельности сенаторская ревизія, изъ-за столкновенія съ руководителемъ которой вынужденъ былъ покинуть край благороднѣйшій предшественникъ генерала Самсонова. Ревизія пыталась расширить границы своей дѣятельности даже за предѣлы гражданскаго управленія, подчинивъ своей компетенціи и обслѣдованіе вопросовъ специально военной администраціи, дѣла штаба Туркестанскаго военнаго округа, хотя основной и единственной задачей ревизіи было поставлено не разслѣдованіе злоупотребленій туркестанской администраціи, о которыхъ не было и помину, а выясненіе вопроса о своевременности и условіяхъ введенія новаго положенія объ управленіи краемъ, болѣе тѣсно сближающаго эту окраину съ остальной имперіей. Однако ревизія, по подбору своихъ чиновъ, особенно въ измѣненномъ своемъ составѣ, прибывшемъ во время вторичнаго наѣзда своего въ край, не въ силахъ была, по неподготовленности къ созидательной реформаторской работѣ, слѣдовать намѣченной программѣ и потому уклонилась совершенно отъ крупныхъ чисто реформаторскихъ задачъ

своей дѣятельности, сузивъ ихъ до функцій какой-то слѣдственной комиссіи. Сенаторская ревизія возбудила цѣлый рядъ дѣлъ, сравнительно съ общимъ числомъ административно-полицейскихъ чиновъ—немного, притомъ касавшихся не особенно вліятельныхъ по положенію представителей этой администраціи ¹⁾. Большая часть этихъ дѣлъ впослѣдствіи, при разсмотрѣніи ихъ судомъ, окончились оправданіемъ привлеченныхъ къ суду лицъ, не только по недостаточности собранныхъ противъ нихъ уликъ, но просто по несостоятельности самыхъ обвиненій, основанныхъ на клеветническихъ, вздорныхъ доносахъ. Но въ то время дѣла эти еще находились въ стадіи производства, а чины ревизіи поспѣшили обобщить ихъ, предать гласности собранныя ими данныя, преувеличенныя и искаженныя при этомъ печатью. Вся администрація чувствовала себя послѣ газетной травли какъ бы оплеванной, оклеветанной, не имѣя возможности по многимъ условіямъ выступить съ доказательствами своей невиновности. Въ обществѣ, мало знакомомъ вообще съ Туркестаномъ, газетныя замѣтки о найденныхъ будто бы ревизіей крупныхъ злоупотребленіяхъ связались съ смутными воспоминаніями о прочитанныхъ когда-то щедринскихъ сатирахъ на г. г. ташкенцевъ, и это бывшее, давно ушедшее въ область забвенія пріобрѣтало характеръ современнаго.

Попытка генераль-адъютанта Мищенко выступить въ печати въ защиту администраціи противъ газетной травли и съ выясненіемъ истиннаго положенія дѣлъ только усилила недовольство противъ него ревизуемыхъ и стремленіе къ увеличенію числа привлекаемыхъ къ суду и смѣщаемыхъ по распоряженію ревизоровъ должностныхъ лицъ.

Во главѣ ревизіи поставлено было лицо не русскаго происхожденія, плохо даже говорившее по-русски, полное недовѣріе ко всему русскому ²⁾, само незадолго до назначенія своего ревизоромъ весьма печально закончившее губернаторство въ одной изъ с.-западныхъ губерній, знакомое съ Туркестаномъ, и то, вѣроятно, смутно, какъ съ простымъ географическимъ терминомъ ³⁾.

¹⁾ О нѣкоторыхъ изъ этихъ чиновъ уже производились разслѣдованія по распоряженію краевого начальства и мѣстнаго прокурорскаго надзора, возбужденныя задолго до прибытія въ Туркестанскій край ревизіи, и послѣднія воспользовались уже исполнѣ подготовленнымъ матеріаломъ. Авт.

²⁾ Это лицо однажды въ интимномъ разговорѣ въ присутствіи одного русскаго чиновника поощряло своего докладчика къ свободному изложенію дѣла, говоря: «Вы не стѣсняйтесь, при немъ говорить можно (указывая на присутствовавшего чиновника), онъ хотя и русскій, но все же довольно порядочный человѣкъ». О германофильствѣ этого лица и утайкѣ имъ лошадей при послѣдней мобилизаціи см. «Историческій Вѣстникъ» 1915 г., мартъ, СХХХІХ, 886, 887. Авт.

³⁾ Странно, что въ руководители ревизіи, весьма полезной и даже необходимой по первоначально опредѣлявшимся ей задачамъ для края, не былъ привлеченъ

Понятно, что результаты ревизіи не оправдали ея крупныхъ расходовъ, не отвѣчали поставленной задачѣ и сама ревизія обратилась не къ предуказанной работѣ по созданію основъ новаго положенія объ управленіи краемъ, а къ розыску и сыску, поощряя туземцевъ, безъ того склонныхъ къ клязуничеству, къ доносамъ.

Мелочность, болѣзненное самолюбіе стоявшаго во главѣ ревизіи и его личные счеты съ предшественникомъ генерала Самсонова окрасили всѣ дѣйствія ревизіи: сплетни, клеветы, которыя, охотно выслушиваемыя и поощряемыя ревизующими, создавали тяжелую атмосферу, въ которую приходилось окунуться новому генералъ-губернатору. Эта атмосфера клеветы, сплетенъ, мелочныхъ счетовъ призвела сразу на генерала Самсонова тяжелое впечатлѣніе и, несомнѣнно, отравила его извѣстнымъ недовѣріемъ къ окружающимъ людямъ, его будущимъ сотрудникамъ, мѣшая продуктивной работѣ по управленію краемъ, заслоняя иногда крупные вопросы управленія, заставляя искать закулисную, оборотную сторону въ каждомъ возбуждаемомъ докладами вопросѣ.

Самъ А. В. не разъ говорилъ впослѣдствіи, что если бы зналъ ту обстановку, въ которую онъ попадетъ благодаря ревизіи, онъ ни за что не принялъ бы управленія Туркестаномъ. Правда, свѣтлый, трезвый умъ А. В. помогать ему въ большинствѣ случаевъ уяснить значеніе и истинное основаніе преподносимыхъ ему сплетенъ, доносовъ, но на это уясненіе надо было тратить время, первы, это волновало, лишало необходимаго для работы душевнаго равновѣсія.

Будущій безпристрастный историкъ, которому будутъ, какъ и намъ, доступны всѣ документы архивовъ генералъ-губернаторской и областныхъ канцелярій, не только обліитъ туркестанскую администрацію отъ той клеветы, которая на нее возводилась въ то время, благодаря ревизіи, и въ печати, и въ петроградскихъ салонахъ, но и удостовѣритъ, что, слабая по своей численности, она работала честно и по крайнему своему разумѣнію добросовѣстно, и не ея вина, что управленіе Туркестаномъ нельзя признать соответствующимъ требованіямъ времени, государственнымъ и краевымъ задачамъ. Туркестанъ, какъ сказалъ ципично, одинъ изъ бывшихъ министровъ, представляетъ изъ себя дѣвицу которая такъ выросла, что надѣтое на нее платье (т. е. дѣйствующее положеніе объ управленіи краемъ) далеко не прикрываетъ сокровенныя части ея тѣла, — по не мѣстные администраторы могли прикрывать эту дѣвицу платьемъ; платье ей должны были шить въ Петроградѣ.

Однако я отвлекся отъ своего повѣствованія объ Александрѣ Васильевичѣ. Онъ являлся въ краѣ новичкомъ, никого не зналъ

никто изъ извѣстныхъ знатоковъ края или хотя бы служившихъ въ Туркестанѣ занимавшихъ при томъ высокое служебное положеніе, какъ, напримѣръ, сенаторы Череванскій, Николаенко, Дедюлинъ и друг.

Авт.

тамъ и, кромѣ природной осторожности, долженъ былъ испытывать еще то свойственное вообще людямъ, искушеннымъ жизненнымъ опытомъ, чувство недовѣрія, которое всегда является въ отношеніи новыхъ людей, подчиненныхъ, стремящихся, конечно, показаться начальству съ лучшей стороны.

Въ Туркестанѣ Александръ Васильевичъ пріѣхалъ лѣтомъ 1908 года. Стояла туркестанская лѣтняя жара. Мнѣ вмѣстѣ съ сырьдарьинскимъ губернаторомъ, согласно составленному мною и утвержденному новымъ генераль-губернаторомъ церемоніалу, пришлось встрѣчать еще одного новаго (по счету для меня четвертаго за 4 года) главнаго начальника края на станціи Сакскульской, пограничной станціи туркестанскаго генераль-губернаторства. Генераль Романовъ и я пріѣхали на станцію Сакскульскую наканунѣ встрѣчи Самсонова вечеромъ. Чудный степной воздухъ, запахъ полыни, живописный закатъ солнца въ безграничной киргизской степи—отвлекли наши мысли о предстоящемъ знакомствѣ съ новымъ лицомъ, которому ввѣрялось управленіе обширнымъ краемъ, которое могло перевернуть все созданное въ краѣ его предшественниками, могло повліять на наше служебное положеніе. Ни Романовъ, ни я Самсонова лично не знали. Мѣстные киргизы поставили прекрасную шелковую палатку для встрѣчи новаго генераль-губернатора, приготовили вкусный кумысъ. Такъ часто совершались при мнѣ смѣны генераль-губернаторовъ, что создалась какъ бы привычка встрѣчать новыхъ саванниковъ, и я совершенно не волновался. Поѣздъ пришелъ на Сакскульскую сравнительно рано утромъ. Вотъ на площадкѣ вагона появляется представительная фигура молодого генерала, одѣтаго въ живописную форму л.-гвардіи Атаманскаго казачьяго полка, рыжеватые волосы и борода, открытое, умное лицо въ веснушкахъ, глаза смотрятъ привѣтливо и вмѣстѣ пытливо. Я представился и получилъ приглашеніе зайти въ вагонъ, гдѣ находилась супруга генераль-губернатора, женщина дѣйствительно поразительной красоты, и подростки дѣти—дочь и сынъ.

Начался обычный разговоръ знакомящихся между собою людей, нащупывавшихъ темы, и т. п. Генераль-губернаторъ Самсоновъ живо интересовался моими разсказами о дѣятельности предшественниковъ, при которыхъ я былъ управляющимъ канцеляріей, выслушалъ докладъ о текущихъ спѣшныхъ дѣлахъ. Резолюціи его были вдумчивы, осторожны, свидѣтельствовали о полученномъ имъ административномъ опытѣ по управленію областью Войска Донскаго. Генераль Самсоновъ очаровывалъ своей простотою, любезностью, умной, живой бесѣдой. Встрѣчи дорогой, депутаціи отъ населенія, смотръ войсковыхъ частей на попутныхъ стоянкахъ отнимали много времени. На вокзалѣ въ Ташкентѣ Самсонова встрѣтили чины сенаторской ревизіи, если память меня не обманываетъ, съ замѣстителемъ ревизующаго сенатора во главѣ, такъ какъ сенаторъ уже

уѣхалъ въ Петроградъ. Ревизія закончила свою дѣятельность и собиралась также уѣзжать вслѣдъ за своимъ патрономъ. Затѣмъ послѣдовали въ Ташкентѣ обычные приемы торжественныхъ посольствъ отъ вассальныхъ ханствъ Бухары и Хивы; пошли суматошные дни первыхъ приемовъ. Все это мѣшало взаимно присмотрѣться другъ къ другу. Самсоновъ лишь жаловался на большую работу по управленію, приемы, утомлявшіе и отнимавшіе отъ генераль-губернатора почти цѣликомъ весь день, лишавшіе его совершенно личной жизни.

Чтобы ознакомиться съ краемъ, Александру Васильевичу пришлось много попутешествовать по обширнымъ предѣламъ туркестанскаго генераль-губернаторства.

По собственному сознанію его, поѣздки, совершаемыя, правда, какъ бы палетомъ, знакомили съ мѣстными дѣятелями, нуждами населенію, изъ подаваемыхъ ему многочисленныхъ прошеній, изъ бесѣдъ личныхъ. Генераль-губернаторъ въ первый же годъ побывалъ въ Закаспійской и Самаркандской области, заглянулъ въ далекое Семирѣчье, переваливъ затѣмъ черезъ Кугартскій перевалъ въ Ферганскую область. Вездѣ онъ осматривалъ войска, учебныя и правительственныя учрежденія, а слѣдовавшій съ нимъ обыкновенно мой помощникъ по управленію канцеляріей А. А. Семеновъ производилъ ревизію учреждений.

Приблизительно въ ноябрѣ 1908 года Самсоновъ пригласилъ меня вечеромъ къ себѣ и, очень смущенный, сказалъ, что за время своего знакомства со мною и моею дѣятельностью онъ искренно привязался ко мнѣ, какъ полезному своему сотруднику, неутомимому работнику, что у него разсѣялись тѣ сомнѣнія и то недовѣріе, которое внушено ему было нѣкоторыми моими недоброжелателями и въ томъ числѣ ревизовавшимъ край сенаторомъ, представившимъ меня человекомъ хитрымъ и интриганомъ. Поэтому А. В. кается, что, выѣзжая изъ Петрограда, подъ впечатлѣніемъ этихъ напечатываній, онъ переговорилъ съ военнымъ министромъ, и мнѣ рѣшено было предоставить генеральскую должность по в.-судебному вѣдомству. По совѣту ревизовавшаго край, онъ пригласилъ было замѣстителемъ мнѣ одного изъ чиновниковъ ревизіи, но теперь проситъ меня остаться на своемъ посту и простить ему то недовѣріе, съ которымъ онъ, не зная меня лично, отнесся ко мнѣ и которое теперь совершенно разсѣялось. Самсоновъ проситъ меня только не сѣтовать на него за то, что онъ, несмотря на признанныя мои заслуги, не представляетъ меня теперь къ производству въ генералы, а отложить это представленіе до личнаго свиданія съ военнымъ министромъ, чтобы не дать повода къ новымъ сплетнямъ, будто бы управляющій канцеляріей «обошелъ» и новаго генераль-губернатора.

Закончивъ объѣздъ края, А. В. къ концу 1908 г. выразилъ желаніе во всеподданнѣйшемъ докладѣ представить свои взгляды на

коренныя задачи управленія краемъ и испросить руководящихъ указаній правительства по поводу этихъ взглядовъ, чтобы управленіе носило не случайный характеръ, а согласовалось съ видами высшаго правительства, съ поставленными правительствомъ высшими задачами внутренней государственной политики.

Послѣдній всеподданиѣйшій отчетъ былъ по Туркестанскому краю представленъ генераломъ Духовскимъ за десять лѣтъ до назначенія Самсонова. Затѣмъ слѣдовали непрерывныя смѣны генералъ-губернаторовъ, едва успѣвавшихъ пріѣхать въ край и уже покидавшихъ его. Благодаря этой смѣнѣ, никакой опредѣленной тенденціи въ управленіи краемъ не проводилось, наконецъ соеое время измѣнило совершенно, благодаря создавшимся новымъ экономическимъ и политическимъ факторамъ и условіямъ, фізіономію края, а, слѣдовательно, ставило и новыя задачи управленія. Въ силу этого самое положеніе объ управленіи краемъ, изданное въ 1886 году, оказывалось не соответствующимъ новымъ отношеніямъ, новымъ условіямъ. Въ составъ генералъ-губернаторства съ 1899 г. вышли новыя области: Закаспійская, Семирѣченская, которыя управлялись на основаніи своихъ особыхъ положеній, не объединенныхъ съ положеніемъ объ управленіи коренныхъ областей Туркестана (Сыръ-Дарьинская, Ферганская, Самаркандская.)

Еще при генералѣ Тевяшевѣ былъ чисто канцелярскимъ путемъ, не привлекая мѣстныхъ свѣдущихъ лицъ, выработанъ проектъ новаго объединеннаго положенія. Проектъ этотъ, неудовлетворительный и устарѣвшій, находился въ Петроградѣ, ожидая безконечное время дальнѣйшаго движенія, пока изданіемъ въ 1906 г. Высочайшаго повелѣнія объ изыятіи Туркестана изъ вѣдѣнія военнаго министерства и передачѣ его, на общихъ основаніяхъ, въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ не создавалась необходимость въ его коренномъ пересмотрѣ. Въ интересахъ же всесторонняго обслѣдованія началъ для такого пересмотра и была командирована въ край вышеупомянутая ревизія. Ея труды должны были послужить матерьялами для новаго положенія, еще и по настоящее время, однако, не вышедшаго. Генералъ Самсоновъ, ознакомившись съ краемъ и видя настоящую нужду въ скорѣйшемъ изданіи новаго положенія, считалъ необходимымъ высказать и свои взгляды на основныя начала этого положенія, помимо работы сенаторской ревизіи, которые и задумалъ изложить въ своемъ всеподданиѣйшемъ отчетѣ, внеся въ послѣдній и свои соображенія о различныхъ коренныхъ вопросахъ по текущему управленію краемъ, испросивъ Высочайшую для нихъ санкцію.

Такимъ образомъ, въ этотъ отчетъ имъ были внесены путевыя впечатлѣнія, мысли и наблюденія генералъ-губернатора, вынесенныя изъ его поѣздокъ по обширному Туркестанскому краю.

А. В. особенное вниманіе обратилъ на крайне печальное поло-

женіе школьнаго дѣла въ краѣ, на неурегулированность переселенческаго дѣла, вопросъ о водномъ законѣ, эксплуатацію казенныхъ земель частными предпринимателями въ цѣляхъ орошенія плодородной пустыни для разведенія хлопка и другія мѣропріятія къ подъему производительныхъ силъ страны, по проведенію Семирѣченской и Бухарской желѣзныхъ дорогъ, наконецъ на упорядоченіе и выясненіе отношеній нашихъ къ ханствамъ—Бухарѣ и Хивѣ. Много поработалъ онъ и надъ составленіемъ отчета о расширеніи и реформированіи боевыхъ силъ округа, въ виду событій въ Китаѣ, отразившихся и на пограничныхъ съ нами владѣніяхъ Китая—въ Кульджѣ.¹⁾

Посѣщая не только городскія, учебныя заведенія, но и сельскія школы, А. В. былъ пораженъ крайне печальнымъ положеніемъ какъ низшей школы въ краѣ, такъ и среднихъ городскихъ учебныхъ заведеній. Неудовлетворительная постановка преподаванія, не соотвѣтствующій учебный персоналъ, наконецъ несоотвѣтствіе школьныхъ программъ требованіямъ жизни. Чувствовалось полное отсутствіе общаго руководящаго надзора. Цѣлый рядъ приказовъ по краю отмѣчалъ иногда вопіющіе факты упадка учебнаго дѣла и его неправильной постановки. Эти дефекты А. В. относилъ отчасти къ тому, что во главѣ учебнаго дѣла стоялъ человекъ устарѣвшій, малодѣятельный. А. В. рѣшился настаивать на смѣнѣ этого чиновника передъ министромъ народнаго просвѣщенія, выхлопотавъ ему усиленную пенсію.

Если таково было положеніе русской школы, за которой какъ-никакъ слѣдили, наблюдали, то положеніе туземныхъ школъ, оставшихся безъ всякаго совершенно надзора и руководства, было болѣе чѣмъ печальное. Питомцы многочисленныхъ мусульманскихъ мактебе и медресе получали самое превратное представленіе о мірѣ и его явленіяхъ; ихъ юные умы насыщались религіозной схоластикой, комментаріями къ Корану или чтеніемъ и разборкомъ эротическихъ, вѣрнѣе даже, порнографическихъ поэмъ персидскихъ поэтовъ съ Гафизомъ во главѣ. Мертвящая рутина царилъ въ этихъ школахъ.

Правда, въ это время и среди туземнаго населенія Туркестана, какъ бы отвѣчая нараставшему въ немъ сознанію необходимости истиннаго знанія, стали возникать и распространяться такъ называемыя новометодныя мактебе съ преподаваніемъ современной географіи, ариметики, съ обученіемъ грамотѣ по звуковому методу и т. п.,—но эти школы не были рассадниками того, что было желательно въ нашихъ интересахъ—истиннаго просвѣщенія—и вмѣстѣ съ тѣмъ проводниками началъ русской культуры, знакомства съ

¹⁾ Отчетъ о состояніи войскъ округа былъ представленъ отдѣльно и разрабатывался въ штабѣ туркестанскаго военнаго округа.

Россіей, а носили узко націоналистическій характеръ. Необходимо было прибѣгнуть къ коренной реформѣ учебнаго дѣла въ краѣ, выработать новыя программы для туземныхъ и русско-туземныхъ школъ, не задѣвая и не оскорбляя религіознаго чувства мусульманъ, создать органы надзора за ними и т. п.

Какъ ни горячо взывалъ Самсоновъ къ министру народнаго просвѣщенія, указывая на недостатки школьнаго дѣла, на необходимость внести живую струю въ это дѣло, создать высшій органъ министерства въ лицѣ попечителя учебнаго округа,—этотъ голосъ его оказался гласомъ вопіющаго въ пустынь. Къ концу 1910 года въ Туркестанъ былъ командированъ товарищъ министра народнаго просвѣщенія сенаторъ Георгіевскій, но никакихъ существенныхъ и даже просто видимыхъ результатовъ поѣздка его для Туркестана не имѣла, «а возъ остался и нынѣ тамъ».

Въ связи съ реформой школьнаго дѣла А. В. горячо взялся за проведеніе въ жизнь проекта его предшественниковъ: г.г. Субботича, Гродекова и Мищенко—за созданіе въ Ташкентѣ курсовъ мѣстныхъ языковъ съ исторіей, географіей, правомъ мусульманскаго Востока, чтобы провести черезъ эти курсы весь наличный составъ мѣстной администраціи. Но и въ этомъ случаѣ не суждено было достичь успѣха: эти идеи, осуществленныя практичными англичанами въ ихъ индійскихъ владѣніяхъ, не встрѣтили сочувствія въ Петроградѣ и заглохли. Познакомившись ближе съ краемъ, А. В. чрезвычайно заинтересовался дѣятельностью народнаго суда, являющагося по своему вліянію на туземную среду важнымъ факторомъ, препятствующимъ проникновенію въ туземныя массы началъ гуманности и культуры. Ему представлялось весьма желательнымъ, не откладывая въ долгій ящикъ, немедленно же уничтожить первую единоличную и при томъ самую вредную и вліятельную инстанцію народнаго суда, замѣнивъ ее сѣздомъ трехъ выборныхъ народныхъ судей, подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго участковаго мирового судьи, сѣзды же и чрезвычайныя сѣзды народныхъ судей—какъ вторую и послѣднюю инстанцію народнаго суда—замѣнить сначала окружными судами, а затѣмъ сѣздомъ мировыхъ судей.

Еще больше вниманія и значенія А. В. придавалъ вопросамъ землеустройства какъ русскихъ переселенцевъ, такъ и коренного инородческаго населенія. Сознавая чрезвычайное государственное значеніе русской колонизаціи Туркестана, Самсоновъ видѣлъ, что эта колонизація для прочнаго водворенія новоселовъ въ краѣ требуетъ цѣлаго ряда мѣръ не только для надѣленія ихъ соотвѣтствующими земельными участками, но и обезпеченія въ смыслѣ ихъ дальнѣйшаго экономическаго благополучія въ сбытѣ произведеній ихъ труда, возможности постоянного заработка и другихъ мѣропріятій, связанныхъ тѣсно съ широкимъ развитіемъ промышленности въ Туркестанскомъ краѣ.

Ближайшая задача по переселенческому дѣлу сводилась къ подысканію свободныхъ годныхъ земель и орошенію новыхъ площадей, съ тѣмъ, однако, чтобы старожилы и туземное населеніе, особенно кочевое, были бы устроены на справедливыхъ основаніяхъ при новомъ положеніи вещей, приводящемъ ихъ къ необходимости потѣсниться и дать мѣсто основной государственной народности.

Самсоновъ находилъ полезнымъ въ цѣляхъ успѣшности колонизаціи края предоставить земствамъ нѣкоторыхъ губерній, дающихъ наибольшій процентъ переселенцевъ, возможность направить дѣйствительно нуждающихся въ землѣ крестьянъ этихъ губерній на тѣ переселенческіе участки, которые остаются въ вѣдѣніи главнаго управленія земледѣлія послѣ водворенія всѣхъ находящихся уже въ краѣ переселенцевъ. Благодаря такой мѣрѣ, неорганизованное переселеніе въ край превратилось бы въ организованное и явилась бы возможность направлять его съ такимъ расчетомъ, чтобы контингентъ новоселовъ вполне обезпечилъ правильное развитіе земледѣлія въ занятыхъ ими мѣстностяхъ.

Чтобы приготовить и обезпечить значительно земельный фондъ для нуждъ русской колонизаціи, Самсоновъ настаивалъ на передачѣ такъ называемыхъ казенныхъ оброчныхъ статей, т. е. всевозможнаго рода угодій, сдававшихся въ аренду большею частью туземцамъ, преимущественно въ окрестностяхъ большихъ городовъ—переселенческому управленію, чтобы вокругъ этихъ населенныхъ преимущественно инородцами пунктовъ создать кольцо русскихъ селеній. Кромѣ того, Самсоновъ указывалъ на необходимость скорѣйшаго изданія правилъ объ отдачѣ свободныхъ казенныхъ земель для орошенія какъ частнымъ лицамъ, такъ и акціонернымъ компаніямъ, промышленнымъ товариществамъ съ тѣмъ, чтобы извѣстная часть орошенныхъ земель была уступаемая безвозмездно ими на особыхъ льготныхъ условіяхъ въ переселенческій фондъ. Для широкой и правильной постановки переселенческаго дѣла главный начальникъ края выяснилъ правительству значеніе скорѣйшаго проведенія Семирѣченской дороги, новой сѣти земскихъ шоссе и улучшенныхъ групповыхъ дорогъ, относя послѣднія дорожныя работы на особую сумму, которую правительство ссудило бы займы въ мѣстные земскіе капиталы.

Я не буду болѣе утомлять читателей пересказомъ въ подробностяхъ тѣхъ мѣръ, которыя намѣчались Самсоновымъ для выполненія самой крупной государственной задачи русской колонизаціи края. Въ разработкѣ этихъ мѣропріятій Александру Васильевичу много помогалъ начальникъ управленія земледѣлія, нынѣшній генералъ-губернаторъ В. Сибири А. Н. Пильцъ. Чуждый сомнѣнія и вѣры въ свою непогрѣшимость и врагъ келейной, въ стѣнахъ однѣхъ канцелярій разработки крупныхъ вопросовъ, затрагивавшихъ интересы мѣстнаго населенія, Александръ Васильевичъ

пользовался постоянно совѣтами мѣстныхъ свѣдущихъ людей, широко привлекая ихъ къ обсужденію и разработкѣ интересовавшихъ его вопросовъ, провѣряя такимъ образомъ свои личные взгляды и мнѣнія и не отставая только изъ ложнаго самолюбія то, что считалъ правильнымъ, цѣлесообразнымъ, если мѣстные свѣдущіе люди доказательно опровергали его взгляды.

Приведенныя соображенія о коренныхъ реформахъ къ дальнѣйшему развитію края, къ усовершенствованію административнаго его строя Александръ Васильевичъ предложилъ мнѣ изложить во всеподданнѣйшемъ отчетѣ, который подготавливался имъ для личнаго доклада государю въ задуманную имъ въ началѣ 1909 года поѣздку въ Петроградъ¹⁾.

Кромѣ указанныхъ выше вопросовъ, во всеподданнѣйшій отчетъ внесены были и соображенія генераль-губернатора объ отношеніяхъ нашихъ къ ханствамъ—Хивѣ и Бухарѣ. Упорядоченію и выясненію этихъ отношеній Самсоновъ придавалъ большое государственное значеніе. Теперь не время еще говорить объ его взглядахъ на эти отношенія, о предложенныхъ имъ мѣропріятіяхъ, въ интересахъ русской государственности, подъема экономическихъ силъ страны, а также объединенія всей туркестанской окраины съ остальными частями имперіи. Скажу только, что взгляды Александра Васильевича не были одобрены въ Петроградѣ и хотя не вызвали принципиальнаго возраженія, въ виду ихъ основательности, въ соответствующихъ министерствахъ, но тамъ рѣшили сохранить status quo, горячая же оппозиція Самсонова, ознакомившагося на мѣстѣ съ положеніемъ дѣлъ и настаивавшаго на осуществленіи задуманнаго, навлекла на него глухую непріязнь нѣкоторыхъ прикосновенныхъ къ этимъ вопросамъ вѣдомствъ, причинившую впоследствіи немало огорченій Александру Васильевичу.

Въ началѣ 1909 года послѣдовало Высочайшее соизволеніе Александру Васильевичу прибыть въ Петроградъ для всеподданнѣйшаго доклада и для участія въ рядѣ совѣщаній въ различныхъ министерствахъ по туркестанскимъ дѣламъ.

Не откладывая своей поѣздки, уже въ первыхъ числахъ января генераль-губернаторъ выѣхалъ въ Петроградъ, захвативъ съ собою меня, полковника генеральнаго штаба Давыдова и личнаго своего адъютанта. Въ Петроградѣ Александръ Васильевичъ всегда останавливался въ «Hôtel de France». Здѣсь, въ бытность еще Александра Васильевича въ академіи генеральнаго штаба, произошла встрѣча его съ знаменитымъ нашимъ путешественникомъ Пржевальскимъ.

²⁾ Въ составленіи отчета принимали участіе помощникъ военного губернатора С. А. Генпеперъ, обладающій «золотымъ перомъ», А. А. Семеновъ—почтенный ориенталистъ, помощникъ мой по должности управляющаго канцеляріей, нынѣ покойный полковникъ К. М. Ермаковскій и бывшій секретарь совѣта генераль-губернатора Лейбинъ.

Александръ Васильевичъ всегда занималъ во время завтраковъ излюбленный столикъ у окна; публики тамъ всегда собиралось много, мѣсто было оставлено заранѣе, другихъ мѣстъ не было. Вошелъ полковникъ генеральнаго штаба, высокій, представительный, съ пышной шевелюрой сѣдѣющихъ волосъ. Оглянувшись и не найдя соотвѣтствующаго мѣста, полковникъ просилъ Александра Васильевича разрѣшить сѣсть за одинъ столъ. Самсоновъ видѣлъ, что это лицо знакомо, но, какъ ни напрягалъ память, не могъ припомнить, съ кѣмъ онъ имѣлъ удовольствіе бесѣдовать. Пржевальскій былъ интересный рассказчикъ, слушать его было истиннымъ наслажденіемъ: быстро пролетѣлъ часъ-другой за столомъ, но инкогнито все-таки не было открыто. Только уже прощаясь, Пржевальскій спросилъ Самсонова, будетъ ли онъ вечеромъ на лекціи, которую онъ собирается читать въ академіи. Тутъ лишь Александръ Васильевичъ догадался, кто былъ его интересный собесѣдникъ. Послѣ этого установились добрыя отношенія, довольно тѣсное знакомство между Александромъ Васильевичемъ и Пржевальскимъ и даже проектъ участія Самсонова въ одномъ изъ ближайшихъ путешествій Пржевальскаго въ Средней Азіи, оставшійся, однако, не осуществленнымъ.

Въ Петроградѣ Александръ Васильевичъ съ самаго ранняго утра до глубокаго вечера былъ занятъ то пріемомъ прошеній, то служебными визитами, то выслушиваніемъ докладовъ по разнымъ текущимъ вопросамъ, то участіемъ во всякихъ совѣщаніяхъ; когда же ему приходилось присутствовать на засѣданіяхъ Совѣта Министровъ, послѣднія затягивались и до глубокой ночи. Въ Царскомъ Селѣ Самсоновъ былъ очень милостиво принятъ и въ восторгъ рассказывалъ о пріемѣ его Государемъ и Наслѣдникомъ Цесаревичемъ. Чрезвычайно удачно прошли совѣщанія Александра Васильевича съ бывшимъ главноуправляющимъ земледѣлія и землеустройства А. В. Кривошеиннымъ.

Послѣдній весьма предупредительно относился къ Самсонову. Всѣ недоумѣнія, вопросы, возникавшіе въ отношеніяхъ генералъ-губернатора и главнаго управленія, предупредительно были разрѣшены Кривошеиннымъ. Самсоновъ всегда цѣнилъ это доброжелательное отношеніе къ нему главноуправляющаго, облегчавшее ему управленіе Туркестаномъ, такъ какъ въ жизни послѣдняго особенное значеніе играетъ именно согласованная дѣятельность администраціи съ представителями вѣдомства земледѣлія и землеустройства.

Въ бытность свою въ Петроградѣ Самсоновъ, пользуясь добрымъ къ нему отношеніемъ А. В. Кривошеина, уладилъ одинъ изъ частныхъ вопросовъ колонизаціи Туркестана, обострившійся, благодаря треніямъ между мѣстной административной властью и мѣстными чинами переселенческаго управленія, а именно весьма важный

вопросъ объ узаконеніи отвода русскимъ самовольцамъ-переселенцамъ уступленныхъ по взаимному соглашенію ихъ съ киргизами земель для прочнаго устройства этихъ переселенцевъ и осѣвшихъ уже киргизъ. Рѣшеніе этого вопроса о такъ называемыхъ кугартскихъ переселенцахъ (въ Андижанскомъ уѣздѣ Ферганской области) послужило темой ряда статей въ «Русскомъ Знамени», обвинявшихъ Самсонова и Кривошеина, путемъ подтасовки и извращенія фактовъ, въ какомъ-то игнорированіи интересовъ господствующей народности и заботахъ о завоеванныхъ пролитію русскою кровью туземцахъ. Статьи эти принадлежали перу нынѣ покойнаго Ш., бывшаго чиновника переселенческаго управленія, человѣка даровитаго, но неустойчиваго по своимъ нравственнымъ качествамъ, удаленнаго Самсоновымъ изъ Туркестана послѣ обнаруженія произведенной по распоряженію генераль-губернатора ревизіей злоупотребленій. Ш. не могъ простить Самсонову этого и злобно преслѣдовалъ его въ печати, клевета на него до послѣднихъ минутъ своей жизни. Эта травля отравила не мало дней жизни г. Самсонову, заставляя его терять душевное равновѣсіе, отражаясь и на его отношеніяхъ къ своимъ ближайшимъ сотрудникамъ и т. п.

Не такъ удовлетворительно протекали совѣщанія по другимъ вопросамъ. Особенно разстроенъ былъ Александръ Васильевичъ результатами особаго совѣщанія, въ которомъ предсѣдательствовалъ П. А. Столыпинъ, объ отношеніяхъ нашихъ къ Хивѣ и Бухарѣ. Засѣданіе затянулось до двухъ съ половиною часовъ ночи. Взволнованный, вернувшійся изъ совѣта министровъ, Александръ Васильевичъ, всегда деликатно относившійся къ чужому покою, не удержался, чтобы не подѣлиться со мною своими впечатлѣніями, и глухою ночью пришелъ ко мнѣ въ номеръ.

Александра Васильевича особенно беспокоило тревожное настроеніе, которое господствовало въ Бухарѣ, выразившееся въ столкновеніи народныхъ массъ въ Ст. Бухарѣ, какъ разъ во время нашего отъѣзда изъ Туркестана суннитовъ противъ шіитовъ, къ числу которыхъ принадлежитъ подавляющее количество высшихъ бухарскихъ чиновниковъ съ Кушъ-беги во главѣ. Это движеніе подтверждало высказанное Самсоновымъ въ совѣтѣ министровъ положеніе о необходимости коренныхъ реформъ въ Бухарѣ. Поэтому оставленіе status quo, къ чему склонялось большинство членовъ совѣщанія, поддерживало въ немъ тревогу за будущее.

Въ Петроградѣ вскорѣ появился эмиръ бухарскій, получившій разрѣшеніе прибыть въ столицу по случаю 25-лѣтняго управленія имъ Бухарой, несмотря на не вполне еще мирное настроеніе народныхъ массъ въ его ханствѣ.

Почтенный Сеидъ-Абдуль-ханъ, эмиръ бухарскій, былъ ласково принятъ государемъ, получилъ драгоцѣнные знаки высочайшаго расположенія и былъ назначенъ шефомъ 5-го Оренбургскаго ка-

зачьяго полка. Начался рядъ торжественныхъ обѣдовъ, раутовъ яъ честь эмира, отнимавшихъ не мало времени у генераль-губернатора. Самсоновъ стремился скорѣе вернуться въ Ташкентъ, гдѣ до его пріѣзда было отложено и оставлено безъ движенія его замѣстителемъ много текущихъ дѣлъ. Не задолго до отъѣзда изъ Петрограда, Самсоновъ дѣлалъ докладъ въ Совѣтъ Министровъ по вопросу о выселеніи изъ края Бухарскихъ евреевъ, которымъ оканчивалась послѣдняя отсрочка ихъ пребыванія во всѣхъ безъ исключенія мѣстностяхъ Туркестанскаго генераль-губернаторства. Здѣсь Самсоновъ высказалъ свои гуманные взгляды на необходимость извѣстныхъ льготъ въ проведеніи этой мѣры, поддержанные бывшимъ министромъ финансовъ Коковцевымъ, не согласившимся съ болѣе суровымъ для евреевъ рѣшеніемъ этого вопроса, предлагавшимся въ докладъ канцеляріи генераль-губернатора.

Къ началу марта мы вернулись въ Ташкентъ. Въ виду полученныхъ въ Петроградѣ указаній, всподданійшій докладъ генераль-губернатора былъ измѣненъ въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ.

Въ Туркестанѣ началась работа по выработкѣ деталей нѣкоторыхъ мѣръ, проектированныхъ Самсоновымъ по управленію; обсуждались и готовились матеріалы для особаго совѣщанія, которое должно было, подъ предсѣдательствомъ государственнаго контролера, рассмотреть результаты сенаторской ревизіи Туркестана и вмѣстѣ разрѣшить вопросъ о новомъ положеніи объ управленіи краемъ. Сенаторская ревизія бережно охраняла секретность своихъ трудовъ, какъ бы боясь, что преданіе ихъ гласности можетъ уменьшить ихъ цѣнность, вызвать нежелательныя возраженія. Приходилось съ трудомъ доставать томы сенаторскаго отчета, чтобы провѣрить приводимыя тамъ данныя, иногда противорѣчивыя, иногда ошибочныя, для оцѣнки поставленныхъ ревизіей положеній о реформированіи всѣхъ отраслей экономической и административной жизни Туркестана и нормъ его управленія. А. В. по поводу выводовъ ревизіи готовилъ свою записку. Въ этой запискѣ онъ отстаивалъ расширеніе полномочій и власти генераль-губернатора по отношенію ко всѣмъ вѣдомствамъ, кромѣ судебнаго и государственнаго контроля въ краѣ для объединенія ихъ дѣятельности, находилъ необходимымъ сохранить край въ вѣдѣніи военнаго министерства. Я лично не соглашался съ этими послѣдними взглядами по многимъ соображеніямъ, которые здѣсь не мѣсто приводить, и въ этомъ кореннымъ образомъ разошелся съ генераль-губернаторомъ, хотя исполнилъ, какъ подчиненный, порученную мнѣ работу по составленію записки по предначертанію А. В.

Въ концѣ 1910 года А. В. проявилъ много энергіи въ организаціи самой широкой помощи пострадавшему отъ сильнаго землетрясенія населенію Семирѣченской области. Несмотря на продолжав-

шіяся еще колебанія почвы, повторявшіеся довольно значительныя толчки, причинявшіе все новыя и новыя разрушенія въ Вѣрномъ и окрестныхъ селеніяхъ, А. В. рѣшилъ лично на мѣстѣ обследовать размѣры бѣдствій и выѣхать въ Вѣрный.

Въ августѣ 1910 года началось дѣло полковника К., связаннаго со мною узами родства, явно возбужденное только съ цѣлью повредить моему служебному положенію,—дѣло, вопіющее по пристрастнымъ и неправильнымъ выступленіямъ нѣкоторыхъ чиновъ мѣстной судебной власти, ¹⁾ какъ впоследствии признано было сенатомъ, окончившееся оправданіемъ по недоказанности самаго событія, вмѣнявшагося ему въ вину. Полковникъ К., начальникъ отдѣльной части, человѣкъ безукоризненной честности, корректный, уравновѣшенный, пользовался въ войскахъ Туркестанскаго округа и мѣстномъ обществѣ заслуженнымъ почетнымъ положеніемъ. Самсонову полковникъ К. былъ лично очень мало извѣстенъ, и потому онъ легко поддавался усердному нашептыванію нѣкоторыхъ близкихъ ему лицъ, стремившихся удалить меня отъ главнаго начальника края, и повѣрилъ распускавшимся сплетнямъ, умѣло сфабрикованнымъ. Впоследствии, вѣроятно, А. В. не разъ сѣтовалъ на себя за то, но въ то время онъ не проявилъ ни достаточной проницательности, чтобы понять истинную подкладку дѣла, ни мужества, чтобы защитить почтеннаго штабъ-офицера. Дѣло это надѣлало много шуму въ Туркестанѣ и послужило въ ущербъ популярности А. В. въ войскахъ Туркестанскаго округа. Полковникъ К., произведенный въ генералы, вскорѣ вышелъ въ отставку и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ сошелъ въ могилу отъ тяжелой нервнѣй болѣзни, развившейся у него вслѣдствіе сильнаго нервнаго потрясенія, вызваннаго пережитымъ незаслуженнымъ преслѣдованіемъ.

Вотъ этимъ-то дѣломъ, какъ я сказалъ, воспользовались нѣкоторые окружавшія Самсонова лица, чтобы удалить меня отъ генераль-губернатора и возбудить его недовѣріе ко мнѣ именно на почвѣ этого дѣла.

Нѣкоторымъ окружавшимъ Самсонова людямъ было выгодно возбудить его недовѣріе. Эти люди старались дѣйствовать и на меня для того, чтобы рассорить съ А. В. Мнѣ предложено было мѣсто губернатора, все было оформлено, но назначеніе это не состоялось. Въ мартѣ 1911 года, взявъ сначала отпускъ, я затѣмъ перешелъ въ другое вѣдомство. Провожая меня у себя въ старомъ губернаторскомъ домѣ и затѣмъ въ публичной рѣчи на станціи желѣзной дороги А. В. высказалъ свое глубокое сожалѣніе, что временно разстается со мной, благодарилъ за сотрудничество въ теченіе почти трехъ лѣтъ по гражданскому управленію Туркестаномъ; свою благодарность онъ изложилъ и въ приказѣ по Туркестанскому краю.

¹⁾ Вскорѣ удаленныхъ изъ Туркестанскаго края.

Когда я прїѣхалъ изъ Ташкента въ апрѣлѣ 1911 года въ Петроградъ и представлялся П. А. Столыпину, то послѣдній задалъ мнѣ вопросъ: «Вѣдь вы разсорились съ Самсоновымъ?» Я былъ чрезвычайно удивленъ этимъ вопросомъ и, конечно, отвѣтилъ отрицательно. Какъ оказалось, мои враги, не успѣвъ разсорить еще меня съ А. В., разглашали объ этомъ усилии своемъ, какъ достигшемъ цѣли.

Въ маѣ 1911 года я съѣхался, по соглашенію, съ А. В. Самсоновымъ, къ которому я лично сохранилъ добрыя чувства, въ Петроградѣ. Онъ только что принять былъ Его Величествомъ и подъ впечатлѣніемъ милостиваго отношенія къ представленному имъ всеподданнѣйшему отчету горячо благодарилъ меня за отчетъ и совмѣстную службу.

Въ это время въ Петроградѣ уже начала свои засѣданія особая коммиссія подъ предѣлательствомъ государственнаго контролера, о которой я упоминалъ выше. А. В. принималъ дѣятельное участіе въ ея первыхъ засѣданіяхъ, но затѣмъ ему пришлось уѣхать изъ Петрограда за границу вслѣдствіе болѣзни сердца, обострившейся переутомленіемъ.

Въ 1912 году разразилось совершенно неожиданно для туркестанскихъ военныхъ властей возстаніе въ саперныхъ частяхъ округа. Это дѣло причинило не мало хлопотъ и непріятности А. В.

Въ 1913 году въ маѣ мѣсяцѣ состоялось торжественное освященіе въ Ташкентѣ памятника устроителю и покорителю Туркестанскаго края К. П. Кауфману, и тогда же совершилось большое культурное событіе—открытіе въ Голодной степи большого оросительнаго канала императора Николая Второго. Въ скорѣйшемъ завершеніи работы по сооруженію этого канала А. В. принималъ самое дѣятельное участіе: настаивалъ на примѣненіи усовершенствованныхъ машинъ для ускоренія земляныхъ работъ, беззамедлительномъ отпускѣ кредитовъ и т. п.. Ему не пришлось видѣть и осуществленіе одной изъ важнѣйшихъ въ жизни Туркестана желѣзнодорожныхъ линій: при немъ приступили наконецъ къ работамъ по соединенію рельсовымъ путемъ Семирѣчья съ Оренбургской желѣзной дорогой. Значеніе этого пути въ дальнѣйшей экономической жизни Туркестана ясно сознавалъ А. В., и много энергіи и настойчивости употребилъ онъ, чтобы давно задуманный путь этотъ наконецъ былъ проложенъ для вывоза дешеваго семирѣченскаго хлѣба въ Ферганскую и Самаркандскую области для освобожденія плодородныхъ земель этихъ областей подъ посѣвы хлопка.

Послѣ этого я встрѣчалъ А. В., когда онъ пережилъ тяжелыя событія въ Туркестанѣ—упомянутый бунтъ саперныхъ частей и другія непріятности по управленію. Это было въ мартѣ 1914 года. Онъ сильно измѣнился, посѣдѣлъ. Свиданіе наше было очень кратковременно, такъ какъ я въ этотъ же день выѣзжалъ въ Вильну и долженъ былъ спѣшить. А. В. разсказалъ мнѣ, что обсу-

ждался вопросъ о назначеніи его въ Варшаву генераль-губернаторомъ и назначеніе это для него весьма желательно, онъ считаетъ, что принесетъ тамъ пользу, зная тамошнія войска и край, но, повидимому, пазначеніе это встрѣчаетъ противодѣйствіе, говорили о возможности другого пазначенія на другую окраину, во всякомъ случаѣ о несомнѣнномъ оставленіи имъ Туркестана. Мы поцѣловались и разстались, и больше А. В. я не видѣлъ. Лѣто 1914 года онъ провелъ на Кавказѣ съ семьей и совершенно неожиданно получилъ назначеніе командующаго 2-й арміей. Проводивъ семью и не возвращаясь въ Туркестанъ, А. В. прослѣдовалъ въ армію, съ нимъ поѣхали нѣкоторые изъ его близкихъ друзей, служившихъ въ Туркестанѣ.

Какъ грустно, что эти близкіе люди оставили А. В. одного въ тяжелыя минуты его горя, послѣ разразившейся надъ частями его арміи катастрофы, и онъ умеръ совершенно одинокимъ, настолько одинокимъ, что о подробностяхъ послѣднихъ его минутъ никто ничего достовѣрнаго не знаетъ. Одно только несомнѣнно, что безвременно погибъ одинъ изъ выдающихся нашихъ офицеровъ генеральнаго штаба, даровитый администраторъ, врагъ рутины и застоя, человекъ съ блестящимъ живымъ умомъ, честный труженикъ, рѣдкій семьянинъ.

Миръ его праху!

В. Мустафинъ.

